

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. М. В. Первушин
г. Москва, Россия

**НОВАЯ СТАРАЯ ИДЕОЛОГИЯ:
ПАТРИАРХ ИОВ И ПУГАЮЩАЯ КРАСОТА
(НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАД ЖИТИЕМ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА)**

Аннотация: Статья посвящена произведению древнерусской литературы конца XVI – начала XVII вв. — «Повести о житии царя Феодора Иоанновича». Это произведение было написано первым русским патриархом Иовом. Житие выбивается на первый взгляд из ряда произведений патриарха Иова своей аполитичностью и отсутствием остроты, а время его появления на свет не соответствовало тогдашнему политическому моменту — восхваление умершего царя, а не его преемника Бориса Годунова. Вместе с тем если мы откроем памятник, то обнаружим, что образ Бориса Годунова в «Повести» ассоциируется при чтении не с царем Федором, а, скорее, с его отцом. Иов считает Годунова вдвойне Грозным, который в два раза превосходит отца Федора Иоанновича по указанным положительным качествам, да и самого Федора! Вместе с тем встречающиеся здесь характеристики Бориса — лишь малая часть от масштабного образа последнего Рюриковича и его царства. Статья дает ответ на вопрос: для чего патриарх Иов так славословит Феодора и почему он не стал использовать шанс для реальной пропаганды Годунова в «Повести», или все же использовал его?

Ключевые слова: способы изображения героя, метод идеального преобразования жизни, реалистические мотивы, эпитет, образ, патриарх Иов.

Информация об авторе: Михаил Викторович Первушин — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: 1609pm@gmail.com

Дата поступления статьи: 12.04.2019

Дата публикации: 28.03.2020

Для цитирования: Первушин М. В. Новая старая идеология: патриарх Иов и пугающая красота (некоторые размышления над житием Феодора Иоанновича) // Вестник славянских культур. 2020. Т. 55. С. 93–108. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-93-108

Главным источником биографических сведений о патриархе Иове служит «История о первом патриархе Иове Московском», которая была написана в агиографическом стиле неизвестным автором в середине 50-х гг. XVII в. [23, стб. 923–950]. Святитель Иов управлял Русской Церковью с 1586 г. как митрополит, с 1589 г. — как патриарх, вплоть до 1605 г. Затем был изгнан с позором московскими боярами и горожанами. Его хотели убить, но в последний момент казнь заменили ссылкой в Старицкий монастырь. Скончался он 19 июня 1607 г.

За 15 лет Иов прошел путь от простого монаха в провинциальном монастыре до главы Русской Церкви. Многие исследователи [2, с. 271–276; 3, с. 34–112; 6, с. 173; 8, с. 415–420; 13, с. 206–225] склоняются к тому, что своим взлетом он во многом был обязан Борису Годунову. Этим объясняется его чрезмерная преданность Борису, огромная роль Иова в избрании Годунова на царство, а также защита Церковью интересов нового царя. Патриарх не изменил Борису Годунову даже после его смерти, поддерживая всеми силами молодого царского отпрыска Федора Борисовича. Ни угрозы Иову лишить его сана, ни даже опасность смерти не заставили его отказаться от избранного пути поддержки новой династии.

За почти 20 лет своего первосвятительства Иов оставил удивительно мало дел чисто церковных, да и те, которые за ним числятся, имеют заметный политический оттенок [3, с. 37]. Кроме того, после смерти «последнего» Рюриковича этот «тишайший патриарх» неожиданно предстал как жесткий политический лидер, «удивительно твердо и энергично реализовавший свою ясную и определенную государственную позицию» [3, с. 50].

Все труды патриарха Иова, а он автор двух десятков посланий, грамот, речей, посвященных злободневным вопросам, крайне публицистичны и представляют вполне определенный политический интерес. Только «Повесть о житии царя Феодора Иоанновича»¹ выбивается на первый взгляд из ряда произведений патриарха Иова своей аполитичностью, отсутствием остроты и несоответствием моменту — тут нового царя надо славословить, а он о старом никак не забудет. Тем не менее все исследователи считают «Повесть» панегириком Борису Годунову. Но никто не приводит каких-то весомых доказательств. Все довольствуются только логикой поведения патриарха, по которой он, уже после смерти царя Феодора Иоанновича, ничего другого написать и не мог, как только прославляющий Годунова текст. К тому же нет точной датировки «Повести», которую Иов мог написать как вначале правления Бориса Годунова (1598), так и в конце (до 1603–1604 гг.) [8, с. 418; 9, с. 28].

Вместе с тем если мы откроем памятник (а это примерно десять тысяч слов или 70 тысяч знаков, т. е. около двух авторских листов текста), то обнаружим, что на всем его протяжении московский царь Федор упоминается около трехсот раз, а если по имени, то больше полсотни. Ему же принадлежат и более пятидесяти эпитетов в «Повести», таких как благовѣрный, христоробивый, великий (или превеликий), благочестивый, благородный, самодержец (или самодержавец, самодержатель), праведный, достолюбящий, крестоносный, древним равнославный, преславнейший, преславный, красота (или пречюдная красота всеа Руси, великая блаженная царская красота), прекрас-

¹ Полное название этого памятника: «Повесть о честнѣм житии благовѣрнаго и благородного и христоробиваго государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси, о его царскомъ благочестии и о добродѣтелномъ исправлении, о святѣм его преставлении».

ный, свѣтлость, сладчайшая повѣсть, слуха благое наслаждение, исполнен мудрости, достохвалный, истинный рачитель благочестия, нищелюбивъ, милостив, вѣры теплый рачителю, непреклонный крѣпки поборниче, чадолюбивый отецъ, царское его величество, государь, боговенчанный, кроткий, незлобивый (или беззлобивый), милосердный, нищелюбивый, странноприимец, смиренномудрый (или мудрый), правдолюбивый, злобоненавидевый, любовь имѣющий, лукавство разрушающий, свят, похвала, поборникъ благочестия, прехрабрый² и т. п. В сравнении с Федором Иоанновичем Борис назван лишь 19 раз и имеет только шесть эпитетов — достохвалный, мудрый, храбрый, мужественный, непобѣдимый, пресвѣтлая красота [15].

В «Повести» нет никакого выгораживания личности нового царя или излишней лести Годунову (хотя, повторимся, «Повесть» написана в его царствование, согласно датировке памятника). Казалось, что Иов мог бы проявить здесь свой политико-идеологический талант, раскрыть, кто на самом деле еще при Федоре Иоанновиче был истинным правителем России. Однако патриарх был сдержан в оценках Бориса Годунова. Все действия Годунова по управлению государством в «Повести» — только с указания, разрешения и благословения царского, ничего лишнего. Годунов либо сам исполняет указы царские, либо передает их другим, тщательно организовывая их исполнение. В «Словаре книжников», несмотря на убежденность автора в том, что патриаршая «Повесть» является «панегириком Годунову», имеется одно верное, на мой взгляд, указание на то, что в «Повести» «каждый из них (и царь Федор, и Годунов) в высшей степени соответствует своему назначению» [8, с. 419], можно добавить — и месту. Роль Бориса в «Повести» более чем естественна и правдива. И вот это загадка: почему Иов, тонкий политик и блистательный идеолог, не стал использовать такой замечательный шанс, чтоб еще и еще раз возвысить своего благодетеля, за которого готов был и жизнь положить?

Образ Бориса в «Повести» ассоциируется при чтении не с царем Федором, а, скорее, с его отцом. Несколько раз Иов вспоминает Ивана Грозного и его дела, и теми же эпитетами и характеристиками он награждает Годунова, причем практически всегда сугубя (т. е. дважды), а иногда повторяя большее число раз. Так, например, если Грозный «бодроопасно» правит, то у Годунова «бодроопасное» управление и такое же «бодроопасное разсужение»; если Грозный «мудростию украшен», то Годунов «предизрядною мудростию украшен» и «дивитися превысокой его мудрости» и т. д. [15].

Иван Грозный

1. Во всѣхъ царскихъ исправленияхъ достохвален явися.
2. Мудростию украшен
3. Разумомъ украшен.
4. Своимъ бодроопаснымъ правлениемъ
5. Многия подвиги по благочестии совершив.

Борис Годунов

1. 1. Достохвалный же правитель.
1. 2. Достохвалный воевода.
2. 1. Предизрядною мудростию украшен.
2. 2. Дивитися превысокой его мудрости.
3. 1. Премудрости разуму его чюдящеся
3. 2. Благимъ разумомъ превозходя
4. 1. Своимъ бодроопаснымъ правительствомъ
4. 2. Бодроопаснымъ разсужениемъ
5. 1. Многая тцания показа по благочестии и великъ подвигъ совершивъ.
5. 2. Велию ревностию по благочестии разгараяся.

² Здесь и далее древнерусский текст памятника цит. по: [15].

6. Бранному ополчению зело искусѣнь великия изрядныя побѣды показа.

7. Храброго царя.

6. 1. Бранному ополчению зело искусен и во всѣхъ воинских исправлениихъ непобѣдимый воевода явися

6. 2. Изрядно устрояетъ и к бранному ополчению всѣхъ поощряетъ и не отпадати надежда повелѣваетъ и на подвигъ всѣхъ укрѣпляет.

7. 1. Дивитися храбрости.

7. 2. Яко же никто подобен ему храбростию.

Таким образом, можно сказать, что по версии Иова Годунов вдвойне Грозный или в два раза превосходит отца Федора Иоанновича по указанным положительным качествам! Вместе с тем встречающиеся здесь характеристики Бориса — лишь малая часть от масштабного образа последнего Рюриковича и его царства. Статья дает ответ на вопрос: для чего патриарх Иов так славословит Феодора и почему он не стал использовать шанс для реальной пропаганды Годунова в «Повести», или все же использовал его?

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, надо сделать одно замечание о стиле «Повести». Отталкиваясь от стилистических особенностей творения патриарха Иова, которые свидетельствуют о его явном тяготении к художественной манере школы митрополита Макария с ее панегирическими портретами, торжественной эмоциональностью, сложными синтаксическими конструкциями, утяжеленным, цветистым языком, издатели его произведения в «Библиотеке литературы Древней Руси» считают, что можно наблюдать в нем «некоторую этикетную идеализацию» [4]. Можно усилить их такую скромную оценку стиля этого памятника. В нем наблюдается не «некоторая этикетная идеализация», а полноценный дворцовый стиль со своей определенной эстетикой церемониала, эстетикой парадности, которые являлись важнейшими характеристиками византийской культуры, а в XVI в. были сполна восприняты и на Руси и, разумеется, выражены в силу имеющегося у Иова таланта и образования.

Аргументов, доказывающих это, много. Например, царь у Иова никогда не употребляется без эпитета «благочестивый», или, пожалуй, самый яркий — плач царицы Ирины у гроба Федора Иоанновича. Патриарх воспользовался плачем княгини Овдотьи (Евдокии) по Дмитрию Донскому, этот факт очевиден и давно замечен. Но то, что Иов привнес своего в этот плач, очень показательно: плача, царица Ирина, не забывает, особенно вначале, обращаться к государю несколько официально, так, как это было положено, видимо. И если у Овдотьи очень реалистично, искренне и трогательно звучит первая строка «Како умре, животе мой драгий, мене едину вдовою оставив!», то у Ирины это превращается в абсолютно церемониальную фразу, в начале которой и позже появляется следующее: *«О великий мой государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси, как оумре живот мой драгий? <...> Увы мнѣ, преславнейший самодержателю! Великий государь русский, кому свой царьский скифетръ вручаеши? <...> Како мене едину вдовою оставляеши?»* [15]. По всему плачу разбросаны фразы типа: «послушай мене, благочестивый царь», «царю преславный», «великий государь самодержецъ русский», «о преславный царю изрядный, похвала руская», «великий государь, истинный поборникъ благочестия и всея Великия Росия достохвалный правителю» [15], совсем не характерные для плача, в отличие от Овдотьи, которая только единожды, но очень трогательно, сердечно, даже интимно, упоминает — «княже <...> царю мой милый» [15]. Таким образом, плач царицы Ирины по своему мужу представляет собой удивительное

сочетание церемониально-холодного (от Иова) и трогательно-сердечного (от Овдотьи) стиля, что являет некоторую особенность, аномалию в самом жанре плачей.

Один из главных показателей церемониальности, по справедливому замечанию академика С. С. Аверинцева, — ничего лишнего, все слова взвешены, все нужны, каждое обдуманно и стоит на своем месте, ничего случайного нет, все события представлены такими, какими должны были быть, по мнению автора произведения, а не такими, какими были на самом деле [4]. Но одно событие в «Повести» привлекает своей необычностью — почему, по представлениям Иова, именно это должно было случиться?

Патриарх описал одно удивительное чудо, которое может выступить блестящей эмпирической иллюстрацией к априорным размышлениям Федора Михайловича Достоевского (из монолога Мити Карамазова): «Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что не определяемая, а определить нельзя, потому что Бог задал одни загадки <...>. Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь» [7, с. 100]. Именно такие мысли, можно предположить, множились в голове у «все-скверного пса», «злого волка», «нечестивого», «неверного» и «окаянного крымского царя» [15]³ Казы-Гирея (у Иова, правда, он назван Мурат-Гиреем, но, вероятно, это вина переписчиков), который пришел на Русь со 150-тысячной армией, победоносно дошел до Воробьевых гор и остановился в нерешительности, потрясенный той самой красотой первопрестольного града: «Безбожный же царь в той день к вечеру прииде в царское село, нарицаемое Воробьево. Бѣже то Воробьево близ царствующаго града яко поприща три, тамо же бѣ горы велики, зело превысоки. Оттуду же узрѣ окаянный царь красоту и величества всего царствующаго града <...> (далее идет перечисление того, чему можно и должно было удивляться: и великие каменоградные стены, и золотом покровенные и пречюдно украшенныя божественныя церкви, и царския великия достоцудные двоекровныя и трикровныя полаты... — М.П.) зело убоаясь, и ужас велий нападе на нь, и вскоре возвратися со всѣм своим злочестивым воинством и побѣже с велицем страхом, ниже от пути в ночь мало почити хотяще. И на бегство устрѣмишася, тыл къ Русе показующе, и всѣ, еже в плене взято окрестъ царствующаго града, все на пути оставляюще... яко и самый окаянный онога царя возокъ на пути в реце... оставлень, и многия вещи на пути повѣржены лежаще: сѣ же убо всѣокаянны и они мечюще, себѣ облегчающе суетнаго ради скорого бѣгства своего» [15]. Как надо было испугаться, чтоб так бежать, бросая буквально все на своем пути?

Как только стало ясно, что хан отступил, за ним вдогонку был отправлен отряд, больше для устрашения, чем для поимки. «Достохвалный» [15] же воевода Борис Федорович Годунов, «пришед в царствующий град и благочестивому царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии достойное поклоняние сотворивъ» [15], рассказал о победе и его причинах. Согласно Годунову (в изложении Иова), кроме, конечно же, «Божией милости Пречистые Богородицы заступлением и великих чудотворцовъ молением» [15], «окаянный» крымский хан «царскимъ счастиемъ устрашися, побѣже и все свое богомерзское воинство с собою отведе» [15]. Таким образом, крымский хан испугался *царского счастья*, которое состоит, видимо, согласно первому отрывку, в красоте и благолепии.

Что же случилось там тогда на самом деле? Воспользуемся для выяснения этого вопроса «Пискаревским летописцем». Источник этот хоть и отличается простотой слога, предвзятым отношением к героям (или антигероям) повествования, но имеет высокую, согласно академику М. Н. Тихомирову [28, с. 232–247] и другим исследовате-

³ Все эпитеты взяты из текста памятника [15].

лям [30], степень историчности. И вот что выясняется: оказывается, «тое ночи, неким смотрением Божиим да молитвами благочестиваго царя и государя Федора Ивановича всеа Руси, некий боярской человек еде лошадей пойти и оторвася у него конь, и он ста вопити: “Переймите конь!” И оттого стался страх в обозе и во всех городех на Москве, и стрельба многая отвсюду; и осветиша города все от пушек. И от многаго крику и шуму побежа царь тотчас с великою боязнию и тое ночи Оку перелез. И зашел к Дедилову, и приступал, и ничесоже сотворил. И поиде со многим срамом из Руския земли» [17, с. 197]. Картина, таким образом, предстает другая, скорее испуганно-комичная, чем устрашающе-торжественная.

В «Повести» у Иова встречаются описания и других битв, где есть упоминания о ратном страхе, но в них уже никакого чуда не прочитывается. Там все вполне объяснимо. На одну из сторон, как правило, врагов, нападает «великий страх» [15], но происходит это по вполне реальным причинам, таким, как «видевшее <...> храброе ополчение», или «многое воинское собрание», или «к бранному подвигу неложное устрѣмление» и т. п. [15]. Отличает их от первой только одно: все они (эти «реальные» битвы) происходят не в Москве. Почему же тогда в Москве, по мнению автора «Повести», должно было случиться такое чудо? Откуда такое желание Иова напугать красотой Москвы крымского хана, зачем ему это было нужно, что этим он хотел сказать? При чем победе этой, без боя, Иов посвятил в своем произведении больше места, чем многолетней шведской войне, о которой написано буквально три строки. Когда-то Карел Чапек признал, что «каждое чудо должно найти свое объяснение, иначе оно просто невыносимо» [31, с. 145–150]. Попытаемся объяснить это чудо, исходя из текста памятника.

Определенную подсказку автор дает в молитве царя Федора, произнесенной в ожидании этого сражения. В ней царь просит Богородицу, которая когда-то избавила древний царствующий Константинов град, избавить ныне царствующий град Москву [15]. Иов в молитве сопоставил два царствующих града, только один древний (когда-то бывший), а другой — нынешний. Москва ставится Иовом на одной линии с Константинополем, если не выше, в силу современности ее и древности его.

Патриарх неоднократно в своем труде с восхищением пишет о красоте Москвы [5, с. 419]. Более того, он на протяжении всего текста (около двух десятков раз) употребляет название города, и ни разу без эпитета «царствующий» (еще один пример церемониальности). Даже в мыслях врагов он остается таковым: «Помышляя бо всебѣ скверный: “Аще ли возму царствующей град Москву восхитити, тогда и сим всѣм могу одолѣти”» [15].

Например, вот как описывает Иов в «царствующей Москве» кафедральный собор русских первосвятителей. Это описание следует сразу после упоминания, что «ныне царствующий Константиноград неверными обладаем и благочестивая вѣра ими нѣнавидима бываетъ». Описание московского собора подобно описаниям Софии Константинопольской или святынь Востока в древнерусских хождениях: «Неизреченною лѣпотою украшену, и в ней многия священныя вещи и всякия святыни в различных и многообразных потребах устрояеми <...> и видѣвъ пречестныя и златоконныя раки, в них же яко некое многоценное сокровище лежаше многочюдесныя и целбоносныя мощи великих чюдотворцов, рускихъ митрополитовъ Петра, и Алексѣя, и Ионы, многими лѣты ничим невредимы» и т. п. [15]. Даже патриарх Цареградский, «отложивъ многолѣтнюю старость и забывъ великий труд», будучи наслышан, «прииде въ Великую Росию, жалая видети великия христианские соборныя Церкви изрядное украшение» [15] (в другом месте: «пречюдное украшение» [15]).

Сам «царствующий», «богоспасаемый», «многолюдный», «великий» «град Москву» [15] по указаниям царя украшают как невесту «преизрядною лепотою» [15]: «Многия убо в нем прекрасные церкви камены созда и великие полаты устрои, яко и зрѣние их великому удивлению достойна; и стены градные окресть всея Москвы превелики камены созда и величества ради и красоты проименова его Царьград» [15]. Такое описание «царствующего града» Москвы созвучно описаниям Константинополя в записках популярного в XVI в. на Руси греческого историка XII столетия Константина Манассии⁴ или греческого автора XIV столетия Феодора Метохитиса, которые с неизменным восторгом отзывались о Царьграде как «ни с чем не сравнимом прекраснейшем средоточии всей обитаемой земли», «святом городе», «надежде» и «гордости». Им вторили и агиографические произведения, и записки западных путешественников [1; 10; 27; 29 и др.].

Сразу после такого яркого и ошеломляющего описания Москвы Иов вдруг вспоминает, что не затем будто бы затеял повесть, чтоб описывать красоты столицы, а потому пишет: «Мы же к повести слово подвигнем и напредлежащеѣ возвратимся» [15]. И после начинает описывать ратную славу Руси, ее победы на поле брани.

В комментариях к выше процитированной фразе «Повести» о наименовании Москвы Царьградом ее издатели замечают: «Неофициальное “проименование” Москвы Царьградом имело целью продемонстрировать, что не захваченная османами столица Византии, а столица Руси, в соответствии с теорией “Москва — третий Рим”, стала идеологическим и культурным центром греко-славянского Востока» [4]. Но нам видится, что святитель Иов смотрел шире. Он собирал в своем труде доказательства, что не только Москва готова занять и фактически уже заняла место Константинополя — Нового Рима, став третьим по счету вечным городом, но и Россия полноправно может и должна именоваться империей, равная, а то и превосходящая Византийскую (Римскую) по богатству, власти и славе. Остановимся на том, как Иов выделяет и описывает эти три необходимые атрибута империи.

Первое из этих атрибутов — богатство. Согласно Иову, на Руси строятся новые города, в них возводятся каменные церкви, основываются монастыри, они заселяются людьми: «По царскому изволению многи грады камены созда и в них превеликие храмы в славословие Божие возгради и многие обители устрои», «грады многия возгради <...> православными христианы вся насѣи, божественные церкви созда», и еще: «повелѣ многия грады своя <...> поставити» [15]. Кроме того, русский царь, будучи несметно богат («безчисленными изрядными и многоценными красными вѣка сего обнимаем бѣ» [15]), простирает свою длань на всю вселенную «яко чадолубивый отецъ, являшеся и своя прѣщедрыя милости всѣм» [15]: «неточию въ своей богохранимой державе пространную милостыню требующим подавая, но и в далныя страны земля, яко нескудная река, повсегда изливашеся <...> овѣмъ убо великая села и многая стяжания во одержание подавая, овеем же велѣдарными даянии презелнѣ обогащая» [15]. В доказательство щедрости и богатства русского царя патриарх Константинопольский

⁴ Болгарский перевод Хроники Константина Манассии в XV–XVI вв. приобретает большую популярность как на славянском Юге, так и на Руси, отразившись и в оригинальной сербской хронографии, и в таких русских памятниках, как «Хронограф» редакции 1512 г. и все позднейшие, а также в поздних летописях, как, например, Никоновская (середина XVI в.). Ко времени расцвета «украшенного слога» более ранние хроники Малалы и Амартола по стилю изложения уже перестали удовлетворять читателей, и эти хроники уступают место своему более молодому и модному сопернику в лице Хроники Манассии [12, с. 110; 14, с. 288–289; 18; 20, с. 362–363; 21, с. 245–247; 22, с. 355–359; 23, с. 44–46; 24, с. 99–104; 25, с. 260–262; 26, с. 279–287].

Иеремия, согласно Иову, по возвращении из России домой, «собирает все свое христоменимое стадо православнаго христианства» [15] и рассказывает им о богатстве и славе Москвы, о новом патриархе, «многочѣнныя дары показуя, иже приять от руки благочестиваго христианскаго царя <...> всеа Русии» [15]. В ответ же собравшиеся воздыхают со слезами к Богу словами благодарственной молитвы за Русь, причисляя ее к роду ромейскому, т. е. римлянам: «...в послѣднем нашемъ роде взяли благочестивые Руския державы!» [15]. Это читается и в размышлениях патриарха Иеремии, «како устроити на престоле Руския митрополии патриарха» [15]. Иов, описывая благочестивые мысли греческаго первосвятителя, вспоминает сначала со ссылкой на предания «святыхъ апостол и заповеди святыхъ отецъ» [15], что положено быть только четверемъ патриархам. И здесь важна ошибочная последовательность в думамъ Иеремии — «въ Велицей Антиохии и во Иерусалимѣ и въ Константиноградѣ и во Александрѣи; пятому быти папе въ Римѣ» [15]. Правильная последовательность — обратная названной — сначала Рим, потом Константинополь и Александрия, а затем Антиохия и Иерусалим. Иеремия, размышляя, словно специально оставляет за Римом пятое место, чтобъ в конечномъ итоге заменить его Москвой, так как «римскій папа многими лѣты благочестия отлучися и христьянские истинные вѣры отпаде <...> в Велицей же Росии <...> православие, многими лѣты цвѣтуше, яко солнце на тверди небесней сияше» [15]. Самое интересное, что сам Иов всячески сторонится от своего имени высказывать такие намеки, наоборот, он даже словно поправляет ошибочные высказывания Иеремии, когда объявляет об избрании и поставлении на Руси патриарха «нарицаю его быти четвертому <...> вмѣсто же папино константинопольскій патриархъ», — пишет он уже от себя [15].

Теперь скажемъ кратко и о славе «великаго царскаго престола <...> превысочайшаго Російскаго царствія» [15], которая, согласно патриарху Иову, «изыде <...> в конце вселенныя» [15]. Он сравнивает Федора Иоанновича с небеснымъ светиломъ, это величественный царь-солнце. Такое сравнение чаще другихъ встречается у святителя в труде. Лучи московскаго царя «непремолчнои» славы «простирашеся <...> яко солнечныя луча» «не токмо во всѣй державе богохранимаго его царствія, но и во всю всѣленную». Сам он сияетъ «яко солнце». Они есть «солнце свѣтозарное». Лицо его «просвѣтися <...> яко солнце». Ничего не сравнится с нимъ «елико воистину солнце честнѣйшии». И более того, «не токмо единыя Російскія богохранимыя державы, но вся подсолнечныя пречестнѣйши быти явися» [15].

И потому от многихъ странъ приходятъ к царю русскому с дарами и «рабскимъ поклонениемъ» [15], дабы воздать достойную честь и славу царскому величию (трижды упоминаетъ об этомъ патриархъ Иов). Вообще, если говорить о семантике чиселъ, то Иов на томъ, на чемъ хочетъ сделать особое ударение, трижды указываетъ в своемъ тексте — это касается и учреждения патриаршества, и поклонение царей, и строительства городов, и власти Августа, о ней скажемъ чуть ниже, и о покорении многихъ народовъ и т. д. И приходятъ к русскому царю не просто восторженные обыватели, а тоже царскіе особы — «нѣточию прости, но и сами царюющии» [15]. Более того, «мнози убо» будучи неправой веры («июдеи же и еллины, скифи же и латыня и аравитія и бесермени»), веру свою «проклинаяще <...> ко благочестивому его царствію богохранимыя державы с великимъ тщаниемъ приходяще», потому что «православная христьянская вѣра в Велицей Росии паче солнца сияюща и своя свѣтозарная луча во всю вселенную испущающе, яко же глаголетъ пророкъ, отъ моря и до моря и отъ рѣкъ до конца вселенныя слава ея простирашеся» [15].

Святитель Иов пишет и о власти на Руси, способной тягаться с императорской. Так, власть царская в России традиционно для XVI в. возводится от «великого Августа кесаря римского, обладающего всею вселенною, яко же история повѣдаетъ, и до самого святого сего царьствия богохранимыя державы великого Росиского государства» [15]. Не менее традиционный взгляд на русского царя, как на подобного, даже «равного» (по тексту «Повести» [15]) императору Константину Великому: «Равен явися православному первому во благочестии и просиявшему царю Константину» [15]. Причем не на словах только, но и на деле. Царь выступает у Иова настоящим первосвященником — епископом от внешних, как называл себя и каким был Константин Великий. Федор постоянно пребывает в молитвенном духе. Иов цитирует с десятков молитв царя. Его благочестивые советы патриарху (а не наоборот, как, казалось, должно быть по традиции — «царский благий совет» [15]) всегда исполнены пророческого духа и т. п.

Русский царь выступает у Иова и как завоеватель многих стран и народов («многия страны и языки покорил еси» [15]), которые до сих пор «в велицем покорении и в рабском послушании под его царскою десницею и доселѣ пребываютъ», платя дань «по вся лѣта» [15]. Вместе с тем он и «теплый рачитель» и «многопопечитель» «еже <...> о исправлении всего благочестиваго народа православного христианства» [15] (т. е. проявляет усердие, прилежание и попечение о благоденствии всех благочестивых народов, исповедующих православное христианство), что делает его мировым (или вселенским) охранителем православной веры (т. е. епископом от внешних!).

Кроме власти царской, простирающейся на все православные народы и даже неправославные, власть церковная получает в «Повести» у Иова те же полномочия. Если царь, отправляясь в военный поход, испрашивает благословение у патриарха и собора, то собор обязательно вселенский: «Благословение приемъ ото отца своего и богомолца Иева патриарха и всего вселенского собора» [15]. Если же патриарх решает собрать собор, то непременно вселенский: «Святѣйший Иев патриархъ <...> собираетъ весь освѣщенный вселѣнский соборъ» [15].

Таким образом, автор «Повести» сумел по всем трем «имперским» показателям (власть, слава и богатство) представить веские аргументы в их пользу, заняв ими практически все место в «Повести», и более того, то, что он показал, лишь малая часть из имеющегося, так как пишет: «Ина многа хвалам достойна в Руском государствѣ устроить» [15]. Иов изобразил Московское государство империей, которая, по его представлению, должна быть, во-первых, в некотором смысле всем миром, вмещающим даже рай, а во-вторых, быть миром под знаком истинной веры.

В самом конце XIV столетия Константинопольский патриарх Антоний IV увещевал великого Московского князя Василия I, что «невозможно для христиан иметь Церковь и не иметь Царства. Ибо Церковь и Царство пребывают в великом единении, и не возможно для них быть разделенными» [15].

Патриарх Иов был искусным не только писателем, но и политиком, и дипломатом, он сумел так мастерски отобрать факты, их интерпретировать, обрисовать главных действующих персонажей, оставаясь при этом как бы в стороне от происходящих событий, что вывод сам напрашивался у читателя его «Повести» (без какого-либо кажущегося навязывания со стороны автора) о том, что православное Царство есть необходимый коррелят и как бы полная реализация православной Церкви. Русь получила патриаршество — церковную полноту. А на государственном поприще Русь стала второй достойной наследницей и правопреемницей Рима, согласно Иову. Без первого не могло быть и второго, как и наоборот, второе не могло быть даровано без первого. И это не была

пустая риторика. В этом и состояло «царское счастье», т. е. полнота сакральной власти, о котором и докладывал Федору Иоанновичу Борис Годунов.

Со смертью царя Федора прекратилась династия Рюриковичей. Однако в «Повести» этому факту не придается той значительности, которую он имел в жизни. Иов затушевывает важность события, молчит о нем. В его изложении никаких проблем из-за смерти последнего сына Ивана Грозного не может возникнуть, поскольку вопрос о престолонаследии решен самим фактом полноты власти. Только единожды Иов делает намек на некоторую преемственность Бориса Федору: именно тогда, когда произошло чудо «пугающей красоты» (и это еще одно подтверждение важности этого основного, по мнению автора, события), царь в знак благодарности за победу вручает Борису Годунову златокованую цепь: «Тогда жь благочестивый самодержец по совершении царьского стола своего приемлет от своего царьския выи златокованую чепь, ея же ношаше в почесть великого своего самодержавнаго царьствия, и возлагает на выю достохвалному своему воеводе Борису Федоровичю, достойную честь победе его воздая и симь паки на немь прообразуя царского своего достояния по себѣ восприятия и всего превеликого царьствия Русийскаго скифетродержателства правление» [15]. Но не только Борису была награда, царь многим тогда вручил подарки, о чем пишет патриарх, и потому вручение некоего символа власти Борису выглядит так, как если бы и другой воевода был на месте Годунова, ничего бы не поменялось.

Иов сглаживает все намеки на личности, не выпячивая их, а, скорее, пряча, заменяя исторические портреты неумеренно расцвеченными риторикой условными и безжизненными образами [9, с. 28–30], так называемой «церемониальной непроницаемостью» [1, с. 57]. Но в итоге «Повесть о житии Федора Иоанновича» стала блестящим решением идеологической задачи, которое никоим образом не бросало тень на автора и не могло обвинить его в предвзятости по отношению к тогда еще будущему царю, а в «Повести» только «изрядному правителю». Вместе с тем исторические события, за отсутствие которых так часто ругают Иова, оказывались просто ненужными для общей идеи памятника, например, история с царевичем Дмитрием или тонкости поставления первого патриарха. У него был другой план — обратить внимание на наличие в Московском царстве полноты сакральной власти, которая, согласно истории первых двух империй, в конечном итоге всегда оправдывала ее местоблюстителя, т. е. царя. Именно место (и только это место) могло красить человека, а не человек место (ведь красота, в чем мы теперь убедились наверняка, — страшная и ужасная вещь).

***

Вероятнее всего, «Повесть» была написана между январем и сентябрем 1598 г., в разгар многосложной борьбы в столице и провинции за предоставление трона Рюриковичей бывшему опричнику и, в отличие от грамот Иова, была максимально аполитична и предельно отрешена от заинтересованности автора в успехе новой династии, что явилось в конечном итоге выигрышным. На основании вышеизложенного можно скорректировать выводы Е. В. Колосовой о новонайденном списке «Повести» из собрания Е. Е. Егорова (№ 292, в РГБ) [11, с. 272–274]. В этом списке «усилено изображение роли Бориса Годунова» [11, с. 273], и он «кажется» [11, с. 274] автору исследования более ранним (без каких-либо аргументов — просто «кажется»). Однако исходя из наших выводов Егоровский список скорее более поздний по происхождению, чем список Никоновской летописи [16, с. 1–22].

В целом же, литературная деятельность патриарха Иова в полном объеме не выяснена. Как впрочем, и «Повесть о житии царя Феодора Иоанновича» исследована не-

достаточно глубоко. Кроме того, не получила должной оценки роль патриарха в литературном процессе конца XVI – начала XVII вв. как главного идеолога страны, оказавшего большое влияние на современную ему литературу и на литературу более позднего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аверинцев С. С.* Другой Рим. СПб.: Амфора, 2005. 364 с.
- 2 *Адрианова-Перетц В. П.* Из начального периода русского стихосложения // Известия Отделения русского языка и словесности за 1921 г. 1923. Т. 26. С. 271–276.
- 3 *Богданов А. П.* Русские патриархи (1589–1700): в 2 т. М.: ТЕРРА; Республика, 1999. Т. 1. 496 с.
- 4 *Бударегин В. П., Панченко А. М.* Вступление к «Повести о житии царя Федора Ивановича» // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI — начало XVII века. 758 с.
- 5 *Бычков В. В.* Русская средневековая эстетика. XI–XVII века. М.: Мысль, 1992. 637 с.
- 6 *Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А.* Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 20: Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVII веков. 452 с.
- 7 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 13 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14: Братья Карамазовы. 512 с.
- 8 *Енин Г. П.* Иов // Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1: А–К. 516 с.
- 9 *Еремин И. П., Комарович В. Л., Шамбинаго С. К.* Литература 1590–1612 гг. // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. II. Ч. 2. Литература 1590-х – 1690-х гг. 440 с.
- 10 *Иванов С.* Константинополь. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М.: Вокруг света, 2011. 752 с.
- 11 *Колосова Е. В.* Новый список Повести о Федоре Ивановиче // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. В. И. Малышев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 14: Посвящается В. П. Адриановой-Перетц. 675 с.
- 12 *Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 112 с.
- 13 *Павлов А. П.* Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1978. Вып. 10. С. 206–225.
- 14 Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века / вступит. статья Д. С. Лихачева; сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1984. 768 с.
- 15 Повесть о житии царя Федора Ивановича // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI – начало XVII века. 758 с.
- 16 Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1978. Т. 34. 304 с.
- 17 Полное собрание русских летописей. 1-я половина / под ред. С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко. СПб: Тип. М. А. Александрова, 1910. Т. 14. 154 с.

- 18 Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков / ред. И. И. Калиганов; Д. И. Польшанский. М.: Худож. лит., 1990. 526 с.
- 19 Российская историческая библиотека. СПб.: Тип. Н. Н. Скороходова, 1891. Т. 13: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 982 стб.
- 20 *Салмина М. А.* «Ентинарий» в «Повести о зачале Москвы» // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 15: К Четвертому международному конгрессу славистов. 523 с.
- 21 *Салмина М. А.* Источники «Повести о зачале Москвы» // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Т. 16. 665 с.
- 22 *Салмина М. А.* Новонайденные тексты Хроники Константина Манассии // Культурное наследие Древней Руси: истоки, становление, традиции / отв. ред. В. Г. Базанов; ред. М. Б. Храпченко. М.: Наука, 1976. 460 с.
- 23 *Салмина М. А.* Повести о начале Москвы. М.; Л.: Наука, 1964. 273 с.
- 24 *Салмина М. А.* Хроника Константина Манассии и литературный стиль XVI в. на Руси // Русская и грузинская средневековые литературы: сб. статей / отв. ред. Г. М. Прохоров. Л.: Наука, 1979. 223 с.
- 25 *Салмина М. А.* Хроника Константина Манассии и стиль «второго монументализма» на Руси // Българско Средновековие: Българско-съветски сборник в чест на 70-годишнината на проф. Иван Дуйчев. София: Наука и изкуство, 1980. 375 с.
- 26 *Салмина М. А.* Хроника Константина Манассии как источник Русского хронографа // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1977. Т. 33: Древнерусские литературные памятники. 463 с.
- 27 *Стасюлевич М. М.* История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. 779 с.
- 28 *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М.: Наука, 1979. 556 с.
- 29 Фульхерий Шартрский. Иерусалимская история («Деяния франков, совершивших паломничество в Иерусалим») // *Стасюлевич М. М.* История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. Т. III: От крестовых походов до открытия Америки. 779 с.
- 30 *Хазанова С. И.* Пискаревский летописец. Происхождение, источники, авторство. М.: Квадрига, 2014. 170 с.
- 31 *Чапек К.* След / пер. В. Мартемьянова // *Чапек К.* Собр. соч. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. С. 145–150.

***

© 2020. Mikhail V. Pervushin
Moscow, Russia

**NEW OLD IDEOLOGY:
PATRIARCH JOB AND FRIGHTENING BEAUTY
(SOME REFLECTIONS
ON THE LIFE OF THEODORE IOANNOVICH)**

Abstract: The article looks at the work of Old Russian literature of the late 16th – early 17th century, “The Tale of the Life of Tsar Theodore Ivanovich”. This work was written

by the first Russian patriarch Job. At first glance, the Life stands out among a number of works by Patriarch Job due to its apoliticality and lack of poignancy, and as so far as the time of its emerging did not correspond to the political moment of that time — the praise of the deceased tsar, and not his successor Boris Godunov. However, if we open the monument, we will find that the image of Boris Godunov in “The Tale” is not associated with Tsar Fyodor when reading, but rather with his father. Job considers Godunov to be doubly Terrible, who is twice as much as Father Fyodor Ivanovich in the indicated positive qualities, and indeed Fedor himself! At the same time, the characteristics of Boris encountered here are only a small part of the large-scale image of the last Rurikovich and his kingdom. The article answers the question: why did Patriarch Job bless Theodore so much and why didn't he use the chance for Godunov's real propaganda in The Tale, or did he use it?

Keywords: ways of portraying a hero, method of perfect transfiguration of life, realistic motives, an epithet, image, patriarch Job.

Information about author: Mikhail V. Pervushin — PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: 1609pm@gmail.com

Received: April 12, 2019

Date of publication: March 28, 2020

For citation: Pervushin M. V. New old ideology: patriarch Iob and frightening beauty (some reflections on the life of Theodore Ioannovich). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 55, pp. 93–108. (In Russian) DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-93-108

REFERENCES

- 1 Averintsev S. S. *Drugoi Rim* [Another Rome]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2005. 364 p. (In Russian)
- 2 Adrianova-Peretts V. P. Iz nachal'nogo perioda russkogo stikhoslozheniia [From the early period of Russian versification]. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti za 1921 g.*, 1923, vol. 26, pp. 271–276. (In Russian)
- 3 Bogdanov A. P. *Russkie patriarkhi (1589–1700)* [Russian patriarchs (1589–1700)]. Moscow, TERRA; Respublika Publ., 1999. Vol. 1. 496 p. (In Russian)
- 4 Budaragin V. P., Panchenko A. M. Vstuplenie k “Povesti o zhitii tsaria Fedora Ivanovicha” [Introduction to the “Tale of the Life of Tsar Fedor Ivanovich”]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of literature of Ancient Russia], edited by D. S. Likhachev, L. A. Dmitriev, N. V. Ponyrko. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. Vol. 14: Konets XVI – nachalo XVII veka [End of the 16th – beginning of the 17th century]. 758 p (In Russian)
- 5 Bychkov V. V. Russkaia srednevekovaia estetika. XI–XVII veka [Russian medieval aesthetics. 11–17 century]. Moscow, Mysl' Publ., 1992. 637 p. (In Russian)
- 6 Demkova N. S., Dmitrieva R. P., Salmina M. A. Osnovnye probely v tekstologicheskom izuchenii original'nykh drevnerusskikh povestei [Main gaps in the textual study of original Old Russian novels]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Old Russian Literature Department], responsible edited by D. S. Likhachev. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1964. Vol. 20. 452 p. (In Russian)
- 7 Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. Vol. 14: Brat'ia Karamazovy [The Brothers Karamazov]. 512 p. (In Russian)

- 8 Enin G. P. Iov [Job]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [The dictionary of scribes and booklore of Ancient Rus], edited by D. S. Likhachev. Leningrad, Nauka Publ., 1988. Vol. 2. Part 1: A–K 516 p. (In Russian)
- 9 Eremin I. P., Komarovich V. L., Shambinago S. K. Literatura 1590–1612 gg. [Literature 1590–1612]. *Istoriia russkoi literatury: v 10 t.* [History of Russian literature: in 10 vols.], edited by acad. A. S. Orlov. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1948. 440 p. (In Russian)
- 10 Ivanov S. *Konstantinopol'. Putevoditel' po vizantiiskomu Stambulu i okrestnostiam* [Constantinople. Guide to Byzantine Istanbul and the surrounding area]. Moscow, Vokrug sveta Publ., 2011. 752 p. (In Russian)
- 11 Kolosova E. V. Novyi spisok Povesti o Fedore Ivanoviche [A new list of the Tale of Fedor Ivanovich]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1958. Vol. 14: Posviashchaetsia V. P. Adrianovoi-Peretts [Dedicated to V. P. Adrianova-Peretz]. 675 p. (In Russian)
- 12 Meshcherskii N. A. *Istochniki i sostav drevnei slaviano-russkoi perevodnoi pis'mennosti IX–XV vekov* [Sources and composition of the ancient Slavic-Russian translation script of the 11th–15th centuries]. Leningrad, Izd-vo LGU Publ., 1978. 112 p. (In Russian)
- 13 Pavlov A. P. Sobornaia utverzhdennaia gramota ob izbranii Borisa Godunova na presto [Cathedral approved letter of election of Boris Godunov to the throne]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary historical discipline]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, vol. 10, pp. 206–225. (In Russian)
- 14 *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi. Konets XV – pervaiia polovina XVI veka* [Literary monuments of Ancient Rus`. The end of the 15th – the first half of the 16th century], introductory article by D. S. Likhachev; drafting and General editing by L. A. Dmitriev and D. S. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1984. 768 p. (In Russian)
- 15 *Povest' o zhitii tsaria Fedora Ivanovicha* [Tale of the Life of Tsar Fedor Ivanovich]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of literature of Ancient Russia], edited by D. S. Likhachev, L. A. Dmitrieva, N. V. Ponyrko. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, vol. 14. 758 p. (In Russian)
- 16 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1978. Vol. 34. 304 p. (In Russian)
- 17 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The complete collection of Russian chronicles], edited by S. F. Platonova, P. G. Vasenko. St. Petersburg, Tipografia M. A. Aleksandrova Publ., 1910. Vol. 14. 154 p. (In Russian)
- 18 *Rodnik zlatostruinyi. Pamiatniki bolgarskoi literatury IX–XVIII vekov* [The spring is gold-jet. Monuments of Bulgarian literature of the 11th–18th centuries], edited by I. I. Kaliganov; D. I. Polyviannyi. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 526 p. (In Russian)
- 19 *Rossiiskaia istoricheskaia biblioteka* [Russian historical library]. St. Petersburg, Tipografia N. N. Skorokhodova Publ., 1891. Vol. 13: *Pamiatniki drevnei russkoi pis'mennosti, otnosiashchiesia k Smutnomu vremeni* [Monuments of the Old Russian writing related to the time of Troubles]. 982 p. (In Russian)
- 20 Salmina M. A. “Entinariii” v “Povesti o zachale Moskvy” [“Entinarium” in “The Tale of the Conception of Moscow”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Old Russian Literature Department], ed.-in-chief D. S. Likhachev. Moscow,

- Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1958. Vol. 15: K Chetvertomu mezhdunarodnomu kongressu slavistov [To the Fourth international Congress of Slavists]. 523 p. (In Russian)
- 21 Salmina M. A. Istochniki "Povesti o zachale Moskvyy" [Sources "Tales of the Conception of Moscow"]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1960. Vol. 16. 665 p. (In Russian)
- 22 Salmina M. A. Novonaidennye teksty Khroniki Konstantina Manassii [Newly found texts of the Chronicle of Konstantin Manasseh]. *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi: istoki, stanovlenie, traditsii* [Cultural heritage of Ancient Russia: origins, formation, traditions], ed.-in-chief V. G. Bazanov; edited by M. B. Khrapchenko. Moscow, Nauka Publ., 1976. 460 p. (In Russian)
- 23 Salmina M. A. *Povesti o nachale Moskvyy* [Tales of the beginning of Moscow]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 273 p. (In Russian)
- 24 Salmina M. A. Khronika Konstantina Manassii i literaturnyi stil' XVI v. na Rusi [Chronicle of Constantine Manasseh and the literary style of the 16th century. in Russia]. *Russkaia i gruzinskaia srednevekovye literatury: Sbornik Statei* [Russian and Georgian medieval literature: Collection of articles], ed.-in-chief G. M. Prokhorov. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 223 p. (In Russian)
- 25 Salmina M. A. Khronika Konstantina Manassii i stil' "vtorogo monumentalizma" na Rusi [Chronicle of Konstantin Manasseh and the style of the "second monumentalism" in Russia]. *Bulgarsko Srednovekovie: Bulgarsko-sovetski sbornik v chest na 70-godishninata na prof. Ivan Duichev* [Bulgarian middle Ages: Bulgarian-Soviet collection on the occasion of the 70th anniversary of Professor Ivan Duychev]. Sofia, Nauka i izkustvo Publ., 1980. 375 p. (In Bulgarian.)
- 26 Salmina M. A. Khronika Konstantina Manassii kak istochnik Russkogo khronografa [Chronicle of Konstantin Manasseh as a source of the Russian chronograph]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Old Russian Literature Department], responsible editor D. S. Likhachev. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1977. Vol. 33: Drevnerusskie literaturnye pamiatniki [Old Russian literary monuments]. 463 p. (In Russian)
- 27 Stasiulevich M. M. *Istoriia srednikh vekov v ee pisateliakh i issledovaniikh noveishikh uchenykh* [The history of the Middle Ages in its writers and studies of the latest scientists]. St. Petersburg, Tipografiia M. M. Stasiulevicha Publ., 1887. 779 p. (In Russian)
- 28 Tikhomirov M. N. *Russkoe letopisanie* [Russian annals]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 556 p. (In Russian)
- 29 Ful'kherii Shartorskii. Ierusalimskaia istoriia ("Deianiia frankov, sovershivshikh palomnichestvo v Ierusalim") [Jerusalem history ("Acts of the Franks who made the pilgrimage to Jerusalem")]. Stasiulevich M. M. *Istoriia srednikh vekov v ee pisateliakh i issledovaniikh noveishikh uchenykh* [History of the Middle ages in its writers and studies of the latest scientists]. St. Petersburg, Tipografiia M. M. Stasiulevicha Publ., 1887. Vol III: Ot krestovykh pokhodov do otkrytiia Ameriki [From the Crusades to the discovery of America]. 779 p. (In Russian)
- 30 Khazanova S. I. *Piskarevskii letopisets. Proiskhozhdenie, istochniki, avtorstvo* [Piskarevsky chronicler. Origin, sources, authorship]. Moscow, Kvadriga Publ., 2014. 170 p. (In Russian)

- 31   Chapek K. Sled [Footprint], translated by V. Martemyanov. *Sbornik sochinenii* [Collection of works]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1974, vol. 1, pp. 145–150. (In Russian)